

12+

Лана Игнатьева

Сон у воды



Лана Игнатьева

Сон у воды

«Издательские решения»

Игнатьева Л.

Сон у воды / Л. Игнатьева — «Издательские решения»,

Писатель Марк, измученный шумом и спешкой большого города, уезжает в Калугу — в тихий отель «Зуль» у воды. Там, в ритме рассветов, прогулок по набережной и разговоров с местными жителями, он заново учится замечать детали и слышать паузы между словами.

© Игнатьева Л.

© Издательские решения

Содержание

Сон у воды	6
Часть I. Прибытие. Первые часы тишины	7
Глава 7	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сон у воды

Лана Игнатьева

© Лана Игнатьева, 2026

ISBN 978-5-0071-2903-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сон у воды

Часть I. Прибытие. Первые часы тишины

Глава 1

Дорога

Поезд шёл через поля, где августовский ветер гнал по траве волны, будто по воде. Марк смотрел в окно и впервые за несколько месяцев не пытался одновременно держать в голове три разговора, пять дедлайнов и одну недописанную сцену. Телефон лежал в сумке, экран погашен. Он специально отключил уведомления ещё в Москве, и теперь тишина внутри вагона казалась почти подозрительной — будто он сделал что-то запретное.

Рядом болтали две женщины, но их слова долетали как отдельные капли: «...на дачу... огурцы... автобус опоздал...». Марк не вслушивался. Он ловил ритм дороги: стук колёс, короткий вздох тормозов на полустанках, мелькание заборов и одиноких тополей. В какой-то момент он поймал себя на том, что улыбается — просто от того, что не нужно никуда бежать.

Он вспоминал, как всё началось: редакторское письмо с одним словом «Срочно», потом ещё одно, потом звонок, в котором он сорвался и сказал: «Я не могу». И сразу после этого, пока руки дрожали, он открыл вкладку с отелями, увидел фото: вода, сосны, пустой балкон — и нажал «Забронировать». Не читая отзывов, не сравнивая цен, не думая о том, как это выглядит со стороны. Ему нужно было место, где можно просто перестать быть «на связи».

Название отеля — «Зуль» — он сначала принял за опечатку. Потом уже, в поезде, когда интернет на минуту поймался, прочитал: город-побратим в Тюрингии, оружейная столица, город мастеров и лесов. Калуга — космос, Зуль — ремесло. Два города, которые нашли друг друга полвека назад. Эта мысль понравилась Марку: место, названное в честь другого места, — как книга, которая начинается с чужой строчки. Он закрыл телефон и больше его не открывал.

За окном потянулись окраины Калуги: аккуратные пятиэтажки, широкие улицы, остановки с ажурными козырьками. Город не кричал, не тянул к себе, не требовал внимания. Он просто был — спокойный, немного сонный, будто знал, что кому-то сегодня нужно дышать.

Глава 2

Подъезд к отелю

Марк вышел на вокзале и сразу почувствовал разницу: воздух здесь был плотнее, тяжелее от влаги и хвои, не такой сухой, как в Москве. Он шёл по тротуару, и город будто убавлял громкость: машины звучали не как сигналы тревоги, а как обычный городской фон, голоса прохожих не врезались в уши, а мягко накладывались друг на друга.

По дороге он прошёл мимо ракеты «Восток». Она стояла на постаменте, огромная, строгая, будто из другого времени. Марк остановился, посмотрел вверх. Ему вдруг стало смешно: он столько лет жил среди экранов, уведомлений и бесконечных списков, а здесь, в паре кварталов от вокзала, стояла настоящая ракета — не картинка, не мем, а металл и история. И она не требовала от него ничего.

Дальше — парк. Тенистые аллеи, скамейки, пожилая пара на дорожке, неспешно и уверенно. Деревья здесь были старше района: они помнили время, когда на этом месте был пустырь, и росли, не спрашивая разрешения. Марк прошёл через парк, и за последним поворотом открылся вид.

Сначала — вода. Огромная, тихая, почти нереальная. Яченское водохранилище лежало перед ним как раскрытая страница: 670 гектаров спокойствия, и на всей этой поверхности — ни одной резкой линии, ни одной волны, только лёгкая рябь от ветра. Противоположный берег едва угадывался, будто был нарисован мягким карандашом и почти стёрт.

А за водой — бор. Сосновый, тёмный, плотный. Он стоял стеной, и от него даже на расстоянии веяло чем-то прохладным и хвойным, будто лес дышал на город.

Марк стоял и смотрел. Он не доставал телефон, не делал фото. Просто стоял.

Потом он увидел отель. Пятиэтажное здание с лаконичным фасадом и большими окнами — каждое окно с балконом, и на каждом балконе — пара стульев. Здание не притворялось чем-то, чем не было: не старинной усадьбой, не дизайнерским отелем, не загородным клубом. Просто гостиница. Чистые линии, светлый фасад, вывеска с коротким словом из четырёх букв. «Зуль».

Что-то в этом простом названии — коротком, чуть чужом, из далёкой Тюрингии — отозвалось. Марк подумал: название, как имя человека, бывает точнее любого описания. «Зуль» звучало как выдох. Как слово, которое говоришь, когда всё уже решено.

Глава 3

Заселение

В холле пахло кофе и чем-то цветочным — то ли комнатные растения, то ли средство для пола, но запах был мягкий, не химический. На стене — старая фотография: гостиница в день открытия, 1973 год, фасад ещё без балконов, перед входом — группа людей в строгих костюмах, у всех серьёзные, торжественные лица. Рядом — другая фотография: делегация из немецкого Зуля, рукопожатие, подарки. Два города, которые дружат больше полувека. Марк задержался у снимков, прежде чем подошёл к стойке.

Администратор — женщина лет пятидесяти, с короткой стрижкой и спокойными глазами — посмотрела на него так, будто видела его раньше. Не в лицо, а по состоянию: усталый человек с сумкой и потухшим телефоном, который очень хочет, чтобы его не спрашивали «как доехали».

— Документы, пожалуйста, — сказала она негромко. — Третий этаж, номер с видом на водохранилище. Лифт направо. Если что-то понадобится — мы на месте круглосуточно.

Она протянула ключ-карту и добавила почти шёпотом:

— Кафе на первом этаже работает до десяти. Если проголодаетесь — приходите, я попрошу повара задержаться.

Марк поблагодарил и пошёл к лифту. Лифт был старый, с деревянной панелью и кнопками, которые нажимались с приятным сопротивлением. На третьем этаже коридор был тихий, с мягким светом и ковровой дорожкой, которая гасила шаги. Он нашёл свой номер, открыл дверь — и остановился.

Номер был простой: кровать, стол, шкаф, телевизор, который он не собирался включать. Но главное было не внутри. Главное было за стеклом.

Балкон. И за ним — вода.

Не та вода, которую он видел из окон московской квартиры: серая, с бензиновыми разводами, зажата между домами. Эта была другая: живая, огромная, медленная. Она занимала всё окно, как кадр из фильма, и в ней отражалось небо — ещё светлое, но уже с первыми следами вечера. Справа, на самом краю вида, темнела полоса бора. Сосны стояли ровно, как шеренга, и каждая была высотой с пятиэтажный дом.

Марк вышел на балкон. Ветер был тёплый, почти летний, но с привкусом осени — с хвоей, с водой, с чем-то ещё, чему нет названия. Он стоял, держался за перила и дышал. И вдруг понял, что не думает ни о чём. Не потому что пусто, а потому что полно: воздух, вода, деревья, тишина — всё это было настолько настоящим, что мысли просто остановились, уступив место.

Он занёс сумку, достал блокнот, положил на стол. Открыл на чистой странице. Написал:

«29 августа. Калуга. ОТЕЛЬ „Зуль“. Я приехал, потому что мне нужно было перестать бежать. Здесь пахнет хвоей и кофе. Из окна видно море, которого нет на картах. Я не знаю, что буду писать. Может быть, ничего. И впервые это меня не пугает».

Глава 4

Первый вечер

В кафе было пусто — только пара за столиком у окна и мужчина в углу с газетой. Марк сел у окна, откуда была видна дорожка парка и край набережной. За стеклом начинались сумерки, и фонари зажигались один за другим, будто город неспешно надевал свой вечерний свет.

Он заказал борщ и чай. Официантка — молодая, с тёмной косой и улыбкой, которая появлялась только когда она говорила, — поставила перед ним хлеб и сказала:

— Борщ сегодня хороший. Повар с утра старалась.

И ушла. Никаких «приятного аппетита» с интонацией автопилота, никаких лишних вопросов. Просто — и это было приятно.

Борщ действительно был хороший. Горячий, густой, со сметаной, которая таяла на поверхности, как первый снег. Марк ел медленно, и это само по себе было новым: в Москве он ел, не замечая вкуса, — еда была топливом, перерывом между задачами. Здесь еда была временем. Временем, которое не нужно было ни на что тратить, кроме самого себя.

За столиком у окна пара — пожилой мужчина и женщина — негромко разговаривали. Марк не вслушивался, но уловил интонацию: тёплая, привычная, без напряжения. Они говорили о чём-то простом, и в этом простом было столько близости, что Марк невольно улыбнулся. Он подумал: вот так, наверное, и выглядит тишина, которой можно поделиться.

— Вы надолго? — спросила официантка, подливая чай.

— Не знаю, — ответил Марк и удивился собственному ответу. — Может, на неделю. Может, дольше.

— Тогда вам понравится, — сказала она с той же спокойной уверенностью, что и администратор. — Здесь хорошо. Особенно утром, когда туман над водой.

Она поставила чайник и ушла. Марк смотрел, как за окном темнеет, как фонари отражаются в лужах, как последний jogger пробегает по набережной и исчезает за поворотом. Он допил чай, оставил чаевые — не из вежливости, а из благодарности — и поднялся к себе.

В номере он открыл балконную дверь. Ночь была тёплая, с одним звуком — ровным, далёким, почти неслышным: то ли ветер в проводах, то ли вода у берега, то ли просто тишина, у которой оказался свой голос. Огни набережной отражались в водохранилище — дрожащие, золотые, будто кто-то рассыпал по тёмной воде монеты. Противоположный берег совсем исчез, и казалось, что вода уходит в бесконечность, в какое-то пространство без границ и без дедлайнов.

Марк стоял на балконе и думал: вот так, наверное, и начинается сон у воды. Не с усталости, а с разрешения. С тихого, короткого «можно» — которое говорит не человек, а место.

Он закрыл дверь, лёг на кровать и впервые за год заснул без снотворного, без подкаста в наушниках, без мысли о завтрашнем дне. Сон пришёл быстро — мягкий, глубокий, без сновидений. Только вода, только тишина, только тёмные сосны за окном, которые стояли и охраняли его покой.

Глава 5

Утро у воды

Он проснулся от света. Не от будильника, не от уведомления, не от соседского ремонта — от солнца, которое поднялось над бором и заглянуло в окно, будто постучав. Марк полежал минуту, глядя в потолок, и понял: он выспался. Не «достаточно», не «терпимо», а по-настоящему — так, как не спал, кажется, со студенчества.

Он вышел на балкон в футболке и тапочках, и его встретил новый мир.

Вода была прозрачной. Не мутно-зелёной, не серой, а чистой, будто кто-то провёл ночь, протирая стекло, и теперь каждое отражение было острым и точным. Туман над водой ещё не рассеялся — он стелился низко, белыми полосами, и берег в нём утопал по колено. Сосны на той стороне стояли в тумане, как в вате, и казались не настоящими, а нарисованными — но нарисовал их кто-то очень терпеливый, кто знал, как растёт каждое дерево.

Уже ниже, у набережной, кто-то шёл — фигура в красной куртке, быстрая, целеустремлённая. Бегун. За ней — ещё одна, помедленнее, с палками для скандинавской ходьбы. Город просыпался, но просыпался так же, как засыпал: не торопясь, без рывка, будто каждое утро здесь было маленьким ритуалом, который нельзя нарушить спешкой.

Марк вернулся в номер, налил чай из чайника, сел за стол. Открыл блокнот. Вчерашняя запись была последней — дальше чистые страницы. Он посмотрел на них без тревоги. Раньше чистый лист вызывал панику: «Я должен, я должен, я должен». Сейчас он вызывал любопытство: «А что, если попробовать не „должен“, а „хочется“?»

Он написал:

«Утро. Туман над водой. Бегун в красной куртке. Сосны в вате. Кажется, я начинаю видеть то, на что раньше не имел времени смотреть. И это, наверное, и есть начало книги — не той, которую я должен написать, а той, которую хочу».

Он закрыл блокнот, оделся и вышел — на набережную, в сторону, где туман ещё держался, где вода была особенно тихой, а бор — особенно близким. Он шёл без маршрута, без карты, без плана. Просто шёл.

Глава 6

Набережная

Набережная тянулась вдоль воды на три с лишним километра — Марк не знал этого, но чувствовал: она длинная, и ей нет нужды торопиться вместе с ним. Дорожка была ровная, с перилами и скамейками, и на каждой скамейке — свой вид: здесь вода открывается шире, там бор подходит ближе, а дальше — просвет между деревьями, и видно, как солнце поднимается выше, разгоняя туман.

Он шёл и замечал. Замечал, как цапля стоит в камышах — неподвижная, серая, будто сделанная из тумана. Замечал, как утки выстраиваются в линию и плывут, как маленький караван, не обращая на него внимания. Замечал, как ветер меняется у воды: здесь он мягче, с привкусом влаги, а у бора — суше, с хвойным оттенком.

На скамейке сидел мужчина с книгой. Настоящей — бумажной, потрёпанной, с загнутыми уголками. Марк невольно посмотрел на обложку и не узнал название, но увидел, что человек читает медленно, перечитывая страницы, иногда закрывая глаза и глядя на воду, будто давая тексту отстояться. Эта картина — человек, книга и вода — вдруг показалась Марку самой точной метафорой того, зачем он приехал.

Дальше, у поворота набережной, он увидел её.

Женщина стояла у перил и фотографировала воду. Не селфи, не пейзаж «для сторис» — она снимала что-то конкретное: отражение света на поверхности, рисунок ряби, какой-то момент, который поймала только она. Камера была не телефонная, а настоящая — тяжёлая, с объективом, который она держала обеими руками, будто это было что-то хрупкое и важное.

Марк прошёл мимо. Она не заметила его. Он заметил только, что волосы у неё были светлые, собранные небрежно, и что куртка — тёмно-синяя, слишком лёгкая для осеннего утра. Он прошёл и подумал: «Вот человек, который умеет видеть». И эта мысль — короткая, мимо-лётная — осталась с ним, как привкус хвои, который он не мог ни проглотить, ни выплюнуть.

Он дошёл до конца набережной, где дорожка огибала небольшой залив, и повернул обратно. Идти назад было легче — ветер дул в спину, а солнце уже поднялось достаточно, чтобы греть. На обратном пути скамейка с читателем была пуста, книга лежала на сиденье, заложная сухим листом. А у перил, где минут двадцать назад стояла женщина с камерой, тоже было пусто. Только на перилах — ни следа, ни записки, ничего. Только вода.

Глава 7

Кафе. Второе утро

Марк спустился в кафе. Сегодня оно было не пустым: за столиком у окна сидела семья с ребёнком, у стены — двое мужчин в рабочих куртках, и у дальнего столика — она. Женщина с камерой. Она пила кофе и смотрела в окно, и камера лежала рядом на стуле, словно отдыхая.

Марк взял поднос, встал в очередь, выбрал сырники и чай. Идти к её столику он не стал — сел через два стола, у другого окна. Но угол обзора позволял видеть её: профиль, руку, обхватившую чашку, и тетрадь, открытую рядом с кофе. Она что-то записывала — быстро, не поднимая головы.

Официантка — та же, что и вчера, с тёмной косой — поставила перед ним сырники и сказала:

— Сегодня творог хороший. Повар каждую неделю на рынок ездит, сама выбирает.

Марк кивнул. Сырники были горячие, с румяной корочкой и сметаной. Он ел и думал: вот два человека в одном кафе — он и она, — оба что-то пишут, оба приехали сюда за чем-то. Он не верил в совпадения, но и не верил в судьбу. Он верил в место: иногда само пространство сводит людей не потому, что так должно быть, а потому что так тише.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.